

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ХРОНОТОПЫ СТРАСТНОЙ СЕДМИЦЫ**Костенич Владимир Анатольевич**Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются философские соотношения Вечного и временного в контексте христианской топики Страстной Седмицы, и сопутствующих ей событий жизненной биографии (исторического) Христа.

Философия традиционно занимается *герменевтическим и категориальным переосмыслением иных форм общественного сознания*, улавливая в их бытованиях те режимы смыслополагания, которые свидетельствуют о мировоззренческих пере(за)грузках человеческой сути в синергетических зонах турбулентной переходности. Одной из таких знаково-символических и квазифилософских ниш религиозной ментальности (в её христианском исполнении) является Страстная Седмица, характеризующая *фундаментальный хронотоп* событийной трансформации Голгофы смертности в светлое воскрешение Воскресенья.

«Первые три дня Страстной Седмицы (понедельник, вторник, среда) посвящены воспоминаниям о заключительных событиях жизни еще не взятого на смерть Спасителя, и вступлении Его на крестный путь. Последние три дня посвящены последовательно трем ступеням крестного пути Господа Иисуса Христа: предательству (четверг), осуждению, распятию и смерти (пятница), погребению и пребыванию душой во аде и первой вести о Воскресении (суббота)... На голгофском пути Солнце Правды венчается терниями страдания». [1].

В этом «недельном медиуме» обжигающе сходятся и сталкиваются в узком пространственно-временном промежутке Время и Вечность, *бесконечная конечность человеческой витальности и конечная бесконечность богочеловеческой жертвенности Творца*, чтобы внутри их онтологической диспозиции свершить наше самоопределение, диагностировать его смертоносные, либо сакральные исходы.

Перед взыскующим взором разворачивается не только жизненная эпопея Христа (в финальном земном испытании Его мессианских убеждений), но и драматургия «человеческого, слишком человеческого» люмпениствующей толпы, некрофильно готовой ради «хлеба и зрелищ» чужого страдания, подвергнуть нелицеприятному аутодафе собственную «мерцающую самость». Этическое вступает во вселенскую полемику с «вульгарным эстетизмом» гогочущего гедонистического зубоскальства и агрессивного любо-пытства.

Философия подвергает смысловой селекции шелуху онтически-повседневного и на основе «эпохальных долженствований» (*футурологически*) *экстраполирует их онтологию подвижничества*. В качестве же методологического целеуказания используется сакраментальная матрица «по образу и подобию». В конечном счёте, всякий акт философствования редуцируется к этому конструктивному принципу в его экзистенциальном (и, скорее даже, экзистенциалистском) исполнении. Центральными же категориями выступают при этом «забо-

та», «заброшенность» и «конечность», а их мировоззренческим обобщением и критическим экспериментом становится *«временность»*. Как отмечал Сергей Булгаков: «Время соплагается вечности, как вечность, простершаяся в бытие, творчески объявляющая ничто. Поэтому временность есть всеобщая форма бытия, качество тварности... Самое сознание временности, с его жгучестью и остротой, порождено чувством сверхвременности, не-временности жизни, оно родится лишь при взгляде во время из вечности» [2, с. 175, 175].

Присмотримся, как данные экзистенциалы эксплицируются во время Страстной Седмицы и попутно программируют смысложизненные решимости (вероустроенного) человека.

Топология календарного: «после... к навсегда...».

Каждый день пасхального междумирья несёт в себе двоящуюся партитуру, ибо *оказывается* и «естественным» календарным *послесловием* к накануне про(изо)шедшему событийному множеству, *эпизодной репликой темпоральной континуальности* и, вместе с тем, *литургической паузой Вечности, откровением сбывшегося навсегда*. Отныне, это не (с)только то, что (просто) приходит на смену предыдущему, в качестве его «потом...» в череде интервалов Времени, но и «прерыв непрерывности», точка невозврата к запятым бытовых оговорок, *притчевая иконопись божественной резолюции вечного Должного*. Мир земных ритуальностей и толкучка происшествий сворачиваются в *сингулярности неотменимых свидетельств*, становятся безостановочным пришествием Трансцендентного в облике человеческой имманентности Христа.

(Страстной) *Понедельник* превращается в метафору «вечного осуждения» лицемерных соблазнов спрятаться в самоумаление «бесплодной смоковницы». Человек – это «ответственный тростник Разума» на сквозняках лихорадок эгоистической Судьбы. «*Понедельник*» (и затем каждый очередной день) изымается из календарного (временного) реестра и обретает *статус универсального (вневременного) божественного вердикта*, отмечающего наши бытовые упования «начать всё с начала». Само «Начало» больше на размножается в видимостях «назначенных понедельников».

Вторник символизирует оптику безусловности талантов человеческого предназначения, забвение либо небрежение которыми оказывается покусением на божественные замыслы Творца относительно планов Творения. *Милосердие провозглашается величайшей «искупительной жертвой» перед лицом грядущего Страшного суда*, а сам этот суд интерполируется в «здесь и сейчас» текущей повседневности, становится её лейтмотивным основанием в образах *настигающей смертности, как субстанции самой смерти*.

Среда выступает средоточием «злой свободы предательства» (Иуды), эпитафией катакомбам зависти, вышедшей из берегов подпольного стенания и презревшей высоту благоговения. Истинное же *раскаяние грешницы* превращается в образец этической подлинности и провозглашается «*святонесущим*» артефактом человеческого спасения, прозревшего о своём преследующем несовершенстве.

Чистый Четверг дарует литургическое священнодействие (Тайной Вечери) и первоисходное таинство Евхаристии (Причастия). Человек, в его космической микроскопичности, вдруг оказывается «внутренним пространством

самого Творца», *местообитанием Его местоимения*. Митрополит Сурожский Антоний (Блум) полагает, что благодаря Тайной вечере «...мы становимся зачаточны, а постепенно все больше, участниками Божественной природы, богами по приобщению, так, что вместе с Тем, Кто есть воплощенный Сын Божий, мы становимся единым откровением Божиего присутствия, «всецелым Христом...» [3].

«Потустороннее» Божественное поселяется в человеческом через человеческое приятие Божественного, как «своей посюсторонней Родины». Не частично, а целокупно! *Омовение ног* – лишь благосклонный допуск (и приобщение) к святой святых божественной сущности, осеняющей человеческую (нечистую) сумеречность. Все остальные таинства оказываются только *продолжающимся «Причастием» к Богу*, ещё одним темпоральным фрагментом Вечного (длящегося) соития с Его Абсолютностью. А Гефсиманские ночные молитвословия Иисуса свидетельствуют о трагическом катарсисе человеческого (экзистенциального) выбора жертвенной готовности поступиться пирровыми победами земных утех сиюминутного.

Великая Пятница – это день Голгофы «временности». Понтий Пилат: «Что есть Истина?». Творец (в Иисусе): «Я есть Истина, Путь и Жизнь...» Крестный Путь, Голгофа, (не)человеческие муки Распятия. В транскрипциях экзистенциальной лексики смерть Христа философски аргументирует *Торжество (вечной) подлинности абсолютных смыслов* в синергетической пропасти бифуркационного затмения человечности. Хаос отменяется в своей наукообразной кажимости. При всей иррациональности происходящего Иррационального, попросту говоря, нет. *Логос Вечного дезавуирует логомахию временного!*

Суббота. Православный авторитет Александр Шмеман, в одной из своих проповедей констатирует, что «...самый глубокий вопрос всей христианской веры – это вопрос о том, откуда же возникла смерть и как и почему стала сильнее жизни. Как и почему воцарилась так, что сам мир стал неким космическим кладбищем, местом, где кучка приговоренных к смерти людей либо в страхе и в ужасе, либо в попытках забыть о смерти суетится на одной вселенской всепоглощающей могиле?» [4].

Итак, «Смерть, где твоё жало?» Сошествие Христа в ад, который теряет свою равновеликость посмертной райской вечности для (будущих, избранных) человеческих «своевременностей». Уходит в небытие телесная проекция земного «овременения» с её физиологическими, душевными и иными контрапунктами и трясинами. *Ад смерти транспонируется в герменевтику «вечного умирания»*, но не как хайдеггеровское «бытие-к-смерти», а в качестве презумпции разлагающих мук длить своё существование, отвернувшись от Страшного суда конвульсирующей патетики временности, жить пыткой «опасений (не)жизни...».

Пасхальное Воскресенье. Великий день бытийного прозрения. «Смерть побеждена, Христос Бог воскрес из гроба – и всем даровал воскресение. Отныне всякий как бы долго по земным меркам не продолжался его сон плотью – всего лишь трехдневный мертвец во Христе, ожидающий своей Пасхи в великий день Господень, когда окончательно раскроется вся радость и весь смысл воскресения» [1]. Зло (смертного несовершенства) аннигилируются вместе с *адом смертствующей временности*. Смерти (в её субстанциональном значении) больше не существует. Она – лишь *всегдашний функционал «поползновений*

временности», колокол «нерасторопного» бытия, церемониальный этикет ритуальных услуг запоздавшей(ся) самости.

Возникает (своего рода) *глобальная авансцена Личного: Мы (отныне)... как ОН!* Вся человеческая брэнность обретает единосущий вектор: собственным повседневным пребыванием спиралевидно воспроизводить не календарные, а «смысловые итоги» Страстной Седмицы. Воскресать ежемгновенно! «Он требует, чтобы мы распяли на кресте свои грехи, как Он пригвоздил грехи всего мира к Кресту Своему. Он требует, чтобы мы не тело наше пригвоздили ко кресту, а чтобы распяли ветхого человека, живущего не по заветам Его, а так, как велит жить мир» [5].

И наконец, *конгениальность синонимичных траекторий*, в контексте которой Путь, Голгофа, Распятие и Воскресение Христа воспринимается как различные фундаментальные перекодировки «одного и того же»: а именно, пространственно-временного «со-участия» в теургической симфонии Вечного присутствия.

Иначе говоря, Страстная Седмица – это не только хронотоп перипетий (известного) Пути к (известному) трагическому финалу крестных страданий Творца в человеке. *Голгофа* – это не просто социокультурный финал крестного (земного) Пути и географическое место Распятия Богочеловека. *Распятие* – это не только «вид казни», случившейся на Голгофе с Иисусом Христом, провозгласившим себя Богом, пришедшим спасти несовершенное творение в облике «сынов человеческих».

Это – экзистенциальные архетипы «человеческого удела» в прокрустовом ложе «смертной (кратко)временности», интенсифицирующие её онтологические переживания в сходящихся жизненных проекциях. Само человеческое существование и есть Голгофа Распятием несовершенства, или, что тоже самое, Распятие на Голгофе временности, или, что тоже самое, жизненный Путь, как Распятие на Голгофе наших «откладываний себя до очередного (обывательно чаемого) «понедельника».

Сегодня, в эпоху «кочующей идентичности», в мире ветвящихся виртуальных симуляций «исходно реального», когда «заигравшийся человек» (как малый ребёнок) всё чаще утрачивает переживание своей непрерывной смертности, подменяя её суррогатами (игровой и «запасной») смерти, смысловые потрясения Страстной Седмицы возвращают нас к вертикальным туннелям Вечного среди пустынных барханов временного, к светлым Воскресениям неопалимой жертвенности.

Литература

1. Ильин, В. Н. Запечатанный гроб. Пасха нетления. Объяснение служб Страстной недели и Пасхи [Электронный ресурс] / В. Н. Ильин. — Москва: Познание, 2020. — 272 с. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/zapechatannyj-grob-pasha-netlenija-objasnenie-sluzhb-strastnoj-nedeli-i-pashi/#0_5. — Дата доступа: 20.04.2026.
2. Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. — Москва: Республика, 1994. — 415 с. — (Мыслители XX века).
3. Сурожский, Антоний. Проповеди [Электронный ресурс] / митрополит Антоний Сурожский. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Surozhskij/propovedi/6_13. — Дата доступа: 20.04.2026.

4. Шмеман, А. Проповеди и беседы [Электронный ресурс] / протоиерей Александр Шмеман. – Москва : Паломникъ, 2002. – 206 с. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/propovedi-i-besedy/3_6. — Дата доступа: 20.04.2026.

5. Крымский (Войно-Ясенецкий), Лука. Принесем тебе любовь нашу: Беседы в дни Великого поста [Электронный ресурс] / святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). – Москва : Приход храма Святого Духа сошествия, 2008. – 255 с – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/prinesem-tebe-lyubov-nashu/2. – Дата доступа: 20.04.2026.